

ЕВГЕНІЙ МАЗЕПИНЪ.

Что необходимо крестьянину.

ОЧЕРКЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ“. Фонтанка, 86.
1905.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 декабря 1904 года.

Что необходимо крестьянину.

Въ домѣ землевладѣльца, крестьянина Никиты Ивановича Сулова, члена земской управы, сидѣли два гостя: молодой лѣсничій Константинъ Павловичъ Прилежаевъ и уже пожилой земскій начальникъ Сергѣй Федоровичъ Крошиловъ.

— По-моему,— говорилъ земскій,— община для крестьянина необходима. Какіе тамъ доводы противники ея намъ ни приводятъ, а безъ общины крестьянину не обойтись.

— Это почему?— спросилъ лѣсничій.

— Причинъ на это очень много. Пахотная земля, покосъ и лѣсъ неодинаковы; если всю общинную землю раздѣлить на участки, предоставивъ отдѣльный участокъ каждому лицу, то участки по качеству будутъ не равны: однихъ вы надѣлите прекрасной землей, прекраснымъ покосомъ и

лѣсомъ, а другимъ достанется одна пустая бесплодная земля. Затѣмъ, каждому домохозяину потребуется выгораживать три поля: яровое, ржаное и озимовое, кромѣ того, невозможно каждому имѣть свой отдѣльный выгонъ, — не по силамъ одному домохозяину содержать столько огорода.

— Но при нашей общинѣ крестьянину невозможно вести никакое правильное хозяйство, — возразилъ лѣсничій. — Лѣсъ общій, слѣдовательно, чѣмъ я больше возьму изъ него добра, то тѣмъ для меня будетъ лучше: если я одинъ буду хранить, а остальные тридцать человѣкъ губить, то общему имуществу я принесу не много пользы; потому, изъ общаго лѣса каждый старается извлечь для себя какъ только скорѣе и больше пользы... и лѣсъ, находящійся въ общемъ владѣніи, безпощадно истребляется. Сѣнокосы надѣльной земли истожились и раздѣлены на мелкія полоски; на иныхъ сростаетъ не болѣе одной, двухъ копенъ сѣна, и они требуютъ отъ хозяина очень много лишней работы, чѣмъ если-бы они были въ одномъ мѣстѣ: нужно придти на каждую полоску нѣсколько разъ — скосить, пошевелить, сгрести, увезти — все это отымаетъ время; да полоски для работы не такъ споры, какъ большіе

участки, гдѣ коси во весь махъ и сгребай сѣно въ копну кругомъ ея, а при узенькой полоскѣ приходится при косьбѣ нерѣдко идти не во весь размахъ руки и сгребать сѣно въ копну на большомъ разстояніи, при уборкѣ же—съ сѣномъ часто переѣзжать съ полосы на полосу. Никакое травосѣяніе и улучшение луговъ при черезполосномъ владѣніи невозможно: ты вспахалъ весною полосу, посѣялъ клеверу, а осенью твои сосѣди пустили въ пожни скоть—и весь твой клеверъ скоть частью съ корнемъ выѣлъ, а остальное вытопталъ. Всѣ твои труды и пропали безслѣдно. Хорошее же хлѣбопашество при общинномъ пользованіи—тоже плохо. При наследственномъ владѣніи, хотя прежде и обширныя полосы, теперь раздѣлены на двѣ, на три, на четыре части, такъ что получилось у каждаго домохозяина нѣсколько узенькихъ полосокъ. Болѣе передовой хозяинъ иногда вздумаетъ обзавестись хорошими сѣменами овса или ржи. Купить онъ для разводу съ пудъ, съ два, заплативъ вдвое или втрое, чѣмъ онъ продаетъ свой овесъ или рожь, воздѣлаетъ тщательно полоску, хорошо ее удобритъ и посѣетъ на ней купленныя сѣмена. Но какъ ни осторожно онъ сѣетъ, а сѣмена попадаютъ на полосы со-

сѣдей, такъ что онъ теряетъ часть хорошихъ сѣмянъ. „Дѣлать нечего, безъ крохъ не обойтись“, думаетъ онъ, и отправляется домой.

На другой день прїѣзжаютъ на свои полосы сѣять его сосѣди съ худыми сорными сѣменами, и, не разбирая погоды, сѣютъ; часть сѣмянъ летитъ на полосу своего сосѣда, и у того, вмѣсто хорошей ржи или овса, получается смѣсь хорошаго съ дурнымъ, а года черезъ три сравниваются его сѣмена съ сосѣдными.

Да и при жатвѣ одинъ сосѣдъ прихватываетъ жита своего сосѣда, а тотъ—его: имъ невозможно посѣять, за неимѣніемъ межъ, чтобы одно жито отъ другого отдѣлялось по прямой линіи... Какъ вы думаете, Никита Ивановичъ, на моей сторонѣ правда или нѣтъ?—обратился онъ къ хозяину.

— Тотъ и другой изъ васъ правъ, и въ то же время тотъ и другой изъ васъ неправъ. Общинное и отдѣльное крестьянское землевладѣніе надѣльной и отчасти купленной сообща земель, такая серьезная, важная, сложная задача, что разобраться въ ней и точно привести отвѣтъ—никому не по силамъ.

Общинное владѣніе плохо, да и вдругъ

ничего не сдѣлаешь. Всего хуже при общинѣ то, что если сосѣдь у тебя перепашетъ немного, возьметъ хоть пласть земли, шириною въ полчетверти и длиною сажень тридцать, и сростетъ-то на немъ—пустяки, а тебѣ обидно и раздражаешься,—пожалуй, съ сосѣдомъ и разсоришься; или, у лѣнниваго сосѣда неисправенъ огорождъ, въ него вломился въ поле свой деревенскій скотъ—и помялъ у тебя хлѣбъ. Все это неприятно дѣйствуетъ на тебя, какъ землевладѣльца и подрываетъ энергію. Поэтому, cadaго хорошаго хозяина и есть любимое желаніе—завоевать себѣ отдѣльный участокъ земли,—но онъ не знаетъ, какъ осуществить свою мечту.

Если внимательно разсмотрѣть общину нашего крестьянина, то для участкаго землевладѣнія остается единственный выходъ изъ общины, чтобы можно было вести правильное хорошее хозяйство: растущій лѣсъ раздѣлить просѣками на полосы, хранить каждому своею полосу и владѣть только ею, что уже практикуется многими крестьянами, скотскій выгонъ сдѣлать общій, сѣнокосы свести вмѣстѣ и надѣлить cadaго крестьянина однимъ отдѣльнымъ участкомъ, а пахотную землю раздѣлить тоже на участки по числу владѣемыхъ

душъ и бросить жеребій—кому достанется какой участокъ, то тому тѣмъ и владѣть. Огороды же будутъ править по своему усмотрѣнiю—хоть, по общему соглашенiю, городите сообща кругомъ поле всѣ домохозяева; а если кто на это не согласенъ и средства его позволяютъ, и найдетъ болѣе удобнымъ, то можетъ свои участки огородить отдѣльнымъ огородомъ, и ему никто этого не воспретить.

— Едва-ли на такой раздѣлъ согласятся сами крестьяне,—замѣтилъ земскiй:—каждый побоится, чтобы ему не достался участокъ пашни или сѣнокосу далеко отъ деревни и съ худой пахотной землей или съ плохимъ покосомъ.

— Тогда можно предоставить право крестьянамъ выходить безпрепятственно изъ общества; если на общiй раздѣлъ не всѣ согласны, то того, кто согласенъ, надѣлать тѣмъ количествомъ пашни и сѣнокоса, какой ему слѣдуетъ, но по усмотрѣнiю общества.

Первое время ему будетъ потруднѣе, потому что участки ему отведутъ поплоче, а потомъ хорошiй старательный хозяинъ приведетъ въ порядокъ землю, такъ что она будетъ не только равна по качеству земли сосѣдей, но даже лучше. Онъ мо-

жетъ даже поселиться среди своего участка, тогда и обработка земли у него будетъ подъ руками. Община еще тѣмъ плоха: напимѣрь, я, старательный хозяинъ, привелъ въ порядокъ свои три надѣла земли: землю хорошо удобрилъ, а сѣнокосы расчистилъ, выкупалъ десятки лѣтъ, но вотъ сосѣдямъ вздумалось передѣлить землю по числу народонаселенія,—мнѣ попались худые участки, а какимъ-нибудь лѣнтяямъ хорошіе; или, вздумалось сосѣдямъ отобрать у меня надѣль—они отобрали и отдали болѣе семейному: мои деньги по выкупу этого надѣла въ теченіе десятковъ лѣтъ и мои труды на улучшеніе надѣловъ такъ и пропали. Этого еще и впередъ можно ожидать. При общинѣ даже у хорошаго хозяина опускаются руки.

— Вы, Никита Ивановичъ, самъ землевладѣлецъ, живете все время среди крестьянъ,—сказалъ земскій,—то, по-вашему мнѣнію, что нужно сдѣлать для крестьянъ, чтобы они вышли изъ настоящаго затруднительнаго положенія и чтобы ихъ хозяйство клонилось не къ убытку, а чтобы оно процвѣтало, и чтобы наши мужики не голодали, а жили-бы какъ настоящіе люди. Гдѣ есть этому начало и какъ его найти?

— Далеко ходить нечего, и это сдѣлать

не такъ трудно, какъ намъ думается. Самымъ первымъ важнымъ, необходимымъ дѣломъ нужно, чтобы у крестьянина было достаточно для скота корму.

— Гдѣ же его взять?

— Если сами крестьяне будутъ вести хозяйство прежнимъ допотопнымъ порядкомъ и не будутъ думать, чтобы ту же истощенную землю обратить въ плодородную, пахотную и въ прекрасные покосы, то хозяйство крестьянина будетъ все падать и падать. Чтобы не падало хозяйство, надо крестьянина заставить думать, а чтобы его заставить думать, надо его поучить, сдѣлать грамотнымъ, чтобы кругозоръ его вышелъ изъ рамокъ обыденной жизни и чтобы свой трудъ онъ прилагалъ къ землѣ не механически, гдѣ скудно земля его вознаграждаетъ за его тяжелый трудъ, а чтобы при его разумномъ дѣлѣ, этотъ же трудъ приносилъ ему пользы вдвое, втрое, впятеро, даже вдесятеро больше, чѣмъ теперь онъ даетъ.

— Но пустую бесплодную землю трудно сдѣлать удобной, пахотной,—сказалъ лѣсничій,—у нашего крестьянина не хватитъ на то ни силы, ни времени.

— Я такъ думаю, что хватитъ, да еще съ избыткомъ. Теперь у нихъ бесполезно

пропадаетъ попусту масса труда и времени: крестьянинъ обрабатываетъ—пашетъ, боронитъ, сѣетъ, возитъ навозъ, убираетъ снопы съ земли, снятой съ большихъ участковъ, и его тяжелые труды скудно вознаграждаются, многимъ не даютъ обезпеченнаго, хоть сноснаго существованія, такъ что они ищутъ побочнаго посторонняго заработка, служащаго подспорьемъ къ земледѣлю, и тѣмъ самымъ земледѣліе у нихъ ведется все небрежнѣе и небрежнѣе.

Для обработки земли, конечно, всѣ знаютъ, что необходима пашня, боронка, удобреніе и посѣвъ. Все это большая часть крестьянъ и дѣлаетъ; но все хлѣбъ родится плохо. „Что за притча такая, думаетъ онъ: кажется, я вспахалъ, поборонилъ хорошо, посѣялъ чистыхъ сѣмянъ, повозилъ навозу, а хлѣбъ родится плохо. Пожалуй, землю бы надо удобрить получше — повозить побольше навозу—а его взять негдѣ: сѣна сростаетъ пустяки, приходится держать скотины мало; а скотины мало, то и навозу въ поле свежешь немного... Какъ бы сѣна накопить больше?..“ передъ этимъ вопросомъ умъ останавливается, руки опускаются — и у крестьянина вопросъ становится неразрѣшеннымъ, и онъ считаетъ бесполезнымъ дѣломъ думать про него: все равно, думай,

не думай, а ничего его темному уму, сжато рамками обыденной жизни и нуждой, не придумать.

Кажется, исходъ простой—вспахальъ пустой лугъ, навозиль назьму, посѣяль клеверу, или другой травы—и получай каждый годъ огромное количество сѣна. Не тутъ-то было. Вспахать, поборонить, это крестьянинъ можетъ—ему по силамъ, но назьму-то взять негдѣ—его не хватаетъ даже для пахотной земли. Кажется, какая пустая и, обыкновенно, пренебрежительная, негодная для насъ вещь—наземъ, а на немъ зиждется благосостояніе крестьянина нашей сѣверной, болѣе половины всей, Россіи. Изъ этого затруднительнаго положенія крестьянину, если бы ему дать хотя начальное образованіе, чтобы онъ не коснѣлъ въ невѣжествѣ, то можно бы выйти на настоящій путь...

Самой главной основой для улучшенія жизни крестьянина, говорю еще я разъ, было-бы то, чтобы онъ всѣ силы свои для поднятія земледѣлія направилъ на улучшеніе луговодства. Чтобы истощенные, дающіе скудную траву луга, обратились въ прекрасные луга, которые бы, при трудѣ и при умѣ крестьянина, давали ему всю траву, какая на нихъ можетъ срости.

Поэтому крестьянинъ, даже и въ ущербъ пахотной землѣ, долженъ ежегодно удѣлять часть назьму на свои луга, и эта урывка назьму отъ пашни только слегка отразится на урожаѣ перваго года, а потомъ вознаградить его въ нѣсколько разъ, такъ какъ посѣянной травы уродится больше, скотины прибудеть, а вмѣстѣ съ ней и наземъ, и урожай хлѣба станетъ лучше. И съ каждымъ годомъ скотоводство и земледѣльство будетъ все лучше и лучше.

Есть много у насъ ученыхъ агрономовъ, но ни одинъ изъ нихъ не можетъ натолкнуть нашихъ крестьянъ, что улучшить качество земли для хлѣбопашества можно не однимъ назьмомъ, но и другими средствами—напримѣръ, смѣшаніемъ земли, то есть, гдѣ полосы земли песчаны, навозить глины, чернозему, а на глинистыя—песку... вообще, гѣмъ, что крестьянинъ имѣетъ подъ руками и что онъ можетъ сдѣлать своимъ трудомъ... Или, неужели такъ-таки кромѣ назьму крестьянину и невозможно никакое другое удобрение и въ теченіе болѣе тысячи лѣтъ онъ не можетъ ничего другого придумать и примѣнить къ своей землѣ?

Всѣ наши совѣты крестьянамъ сводятся къ тому, что мы, живя въ городѣ, пишемъ въ газетахъ, журналахъ и отдѣльныхъ

книгахъ, что для земледѣлія вотъ то полезно, вотъ это полезно, а между тѣмъ полезные наши совѣты иногда просматриваются одними горожанами, до которыхъ земледѣліе не касается: половина крестьянъ же, для которыхъ все это пишется, неграмотны, а другая половина никогда даже и въ глаза не видитъ, что пишется объ улучшеніи земледѣлія.

Да и нашимъ крестьянамъ нужны не слова, къ которымъ они недоувѣрчиво относятся, а необходимо на практикѣ показать имъ, что для ихъ земледѣлія полезно. И если они на дѣлѣ убѣдятся въ чемъ-либо полезномъ въ земледѣліи, то будутъ постепенно примѣнять это въ своемъ хозяйствѣ. А наши ученые предпочитаютъ учить ихъ на словахъ, потому что никому не охота идти въ деревню, возиться въ грязи съ сѣрыми мужиками: лучше, сидя въ тепломъ удобномъ кабинетѣ, учить ихъ.

На сколько удачный опытъ можетъ быть полезенъ крестьянамъ, я приведу небольшой примѣръ.

Въ одномъ уѣздномъ городкѣ многие мѣщане занимаются хлѣбопашествомъ, арендуя на то городскую землю. Изъ отхожихъ мѣстъ и помойныхъ ямъ на ихъ полосы, особенно на крайнія къ городу, ночью ва

лили разныя нечистоты, и хлѣбъ на этихъ мѣстахъ ложился и гнилъ, такъ что нечистотами только портили у нихъ землю.

Возвратился изъ Питера домой мѣщанинъ Сѣдуновъ и обратился къ городу съ просьбой отдать ему въ арендное содержаніе на пятнадцать лѣтъ пустой боръ, находившійся близъ города, съ тѣмъ, чтобы городъ купилъ машину, нанялъ рабочихъ и всѣ нечистоты сваливалъ на эту землю. Боръ былъ десятинъ семь, весь вырубленъ, росъ на немъ одинъ бѣлый мохъ и никакой пользы городу не приносилъ. Городъ конечно ему эту землю уступилъ въ безвозмездное пользованіе, давъ срокъ на разработку мѣста три года и по арендѣ двѣнадцать лѣтъ.

Сѣдуновъ нанялъ рабочихъ, вырубилъ съ коремъ весь лѣсъ и выкорчилъ камни и пни на пространствѣ сначала двухъ, потомъ трехъ и семи десятинъ; въ это время возили на его участокъ въ теченіе трехъ лѣтъ всѣ городскія нечистоты, такъ что наконецъ отъ нихъ онъ отказался—ими былъ заваленъ весь участокъ. Весь лишній мусоръ онъ убралъ, мѣсто огородилъ—и на другой же годъ у него поднялась хорошая трава, на слѣдующій годъ трава стала еще лучше, такъ что вѣдствіи его участокъ

въ теченіе болѣе десяти лѣтъ ему давалъ на семи десятинахъ отъ шестидесяти и до девяноста возовъ сѣна по двадцать пять пуд. каждый возъ, и трава родилась очень сѣдобная — клеверъ и другая. Посѣянный же хлѣбъ приносилъ ему хорошіе урожаи; но онъ считалъ выгоднѣе снимать траву.

Его примѣру послѣдовалъ городъ: стали расчищать ранѣе совсѣмъ безплодныя и неприносящія городу дохода мѣста, и тутъ — черезъ годъ, черезъ два появлялись прекрасные луга. Валили нечистоты на болотистыя мѣста, гдѣ ранѣе росла одна осока — и появлялась сѣдобная, высокая, густая трава.

Между тѣмъ, сколько въ нашихъ городахъ бесполезно уничтожается нечистотъ, а они бы могли сослужить огромную пользу земледѣлю. Но мы не любимъ, пренебрегаемъ заниматься такими грязными, но жизненными и полезными для насъ вопросами, а предпочитаемъ залетать за облака и носиться съ воздушными замками, непримѣнными къ жизни.

— Это говорить легко, — замѣтилъ земскій, — а научить крестьянъ культурному земледѣлю — на дѣлѣ очень трудно. Надо много имѣть силы воли, энергіи, чтобы противостоять всѣмъ препятствіямъ, которыя встрѣтятся на пути.

— Народные же учителя и за гроши получаемаго жалованья дѣлають свое дѣло— даютъ начальное образованіе народу, ни шагу не отступая назадъ; хотя много силъ, здоровья своихъ молодыхъ товарищей, умирающихъ въ нуждѣ и отъ непосильной тяжелой работы, теряють они, но они съ обычной энергіей трудятся для народа.

Больно и обидно слышать, какъ этихъ тружениковъ упрекають въ томъ, что они мало образованы, что они не могутъ сойтись съ народомъ, что они заключились въ рамки своихъ училищъ и не приносятъ внѣ училищъ пользу народу.

Господа! вѣдь поприще просвѣщенія народа ни для кого не закрыто. Если кто желаетъ поучить народъ, то пожалуйста— всѣмъ двери открыты: тутъ не нужно диплома на окончаніе какого-либо училища, а если у тебя есть любовь къ этому дѣлу, то ты поприготовься и сдай экзаменъ на начальнаго народнаго учителя, что сдѣлать нетрудно; поле же начальнаго образованія велико, дѣятелей еще мало—вотъ и трудись на этомъ поприщѣ.

Мы тогда повѣримъ искренности вашихъ словъ, если вы сами вступите въ ряды народныхъ учителей и при той же обстановкѣ будете трудиться вмѣстѣ съ ними, и сво-

имъ примѣромъ докажете, что учителя дѣлають у насъ еще мало.

Но народныхъ учителей учителя, порицающія дѣйствія тружениковъ, предпочитаютъ себѣ жить въ губернскихъ городахъ, и большею частью въ столицахъ, гдѣ жизнь обставлена всѣми удобствами и гдѣ они получаютъ всевозможныя развлеченія, и оттуда осуждать трудъ людей, съ которымъ они на практикѣ не знакомы.

Напрасно думаютъ, что учителя у насъ мало развиты. Если внимательно разсмотримъ, то, по образованію своему, они стоятъ въ общемъ выше той среды, гдѣ они живутъ.

Всѣ они, или кончили учительскую духовную семинарію, гимназію, реальное, городское, епархіальное, или двухклассное училище, и кромѣ того, иногда получили прекрасную домашнюю подготовку и всю жизнь свою не перестаютъ развиваться, тогда какъ жители даже нашихъ уѣздныхъ городовъ, не говоря уже про деревню, отличаются не очень хорошею образованностью.

Наберется-ли изъ нихъ съ десятокъ окончившихъ высшее училище, которые и то, по исполненіи механически своей службы, все свое образованіе прилагають къ вину и картамъ; изъ остальныхъ же жителей рѣдко кто кончилъ среднее учебное заве-

деніе, или городское училище, а большая часть, даже видные чиновники, слывшіе въ городѣ мѣстной интеллигенціей, не говоря уже о торговцахъ—или выгнанные изъ первыхъ классовъ какого-либо училища, или получили первоначальное домашнее образованіе.

Замѣтьте вы: въ народные учителя идутъ всѣ лучшія наши силы. Если у кого нѣтъ любви къ этому дѣлу, то тотъ, получивъ хорошее, смотря по средѣ, образованіе, лучше пойдетъ въ конторщики, гдѣ съ домашнимъ образованіемъ получаютъ иногда по семидесяти и по сту рублей въ мѣсяць, какое жалованье даже и во снѣ не снилось нашимъ народнымъ учителямъ,—или же въ лѣсные кондукторы, или въ техники, или же почтовые чиновники, гдѣ жалованье обезпеченнѣе, гдѣ жить приходится не въ холодѣ и въ голодѣ,—не достанешь иногда даже за деньги чуть сносной пищи, прозябать въ глуши, не имѣя общенія что не что съ развитымъ человѣкомъ.

Эта-то любовь къ дѣлу нашихъ народныхъ учителей и быстро двигаетъ, несмотря на всевозможныя препятствія и убійственную обстановку, дѣло начальнаго народнаго образованія.

По нравственности своей, по своему

серьезному уму, по хорошимъ душевнымъ качествамъ, по сильной энергіи, народные учителя есть у насъ передовые люди. Такъ какъ всѣ ученики являются отраженіемъ качествъ своихъ учителей, то при такихъ качествахъ нашихъ народныхъ учителей, хотя и при небольшомъ ихъ образованіи, можно ждать, что выйдутъ изъ ихъ учениковъ умные, хорошіе, душевные, энергичные люди, которые совладаютъ съ той нуждой, съ той темнотой, въ которой живутъ ихъ отцы; трудолюбивая разумная ихъ жизнь будетъ нормальна и сами они останутся довольны ею.

Напрасно нашихъ народныхъ учителей упрекаютъ и въ томъ, что они внѣ школъ— не приносятъ пользы народу.

Для народныхъ учителей достаточно и той пользы, которую они приносятъ на своемъ поприщѣ. На это у нихъ иногда не хватаетъ силъ, то нечего думать о другомъ дѣлѣ. Когда облегчится ихъ положеніе и улучшится обстановка начальнаго образованія, то, безъ сомнѣнія, учителя не замедлятъ проявить свою полезную дѣятельность и внѣ школы. Высказывая это, я въ то же время отчасти не оправдываю нашихъ народныхъ учителей въ томъ, что они могли бы свободное время, котораго у

нихъ много, употреблять на полезный физическій трудъ: онъ послужилъ бы для нихъ прекраснымъ отдыхомъ.

Я зналъ молодого, только что поступившаго на службу, учителя, получавшаго жалованье двѣнадцать рублей въ мѣсяць, который первый годъ вполне сошелся съ народомъ, ходилъ нерѣдко бесѣдовать съ мужиками въ деревню, и они послѣ обѣдни въ воскресные и праздничные дни толпами посѣщали его.

Но вскорѣ онъ увидѣлъ, что дружба съ народомъ ему дорого обходится: придуть къ нему артели, всѣхъ приходится угощать чаемъ; за чаемъ съѣдятъ они всѣ его пироги, такъ что если у него продолжится такая дружба, то придется самому голодомъ сидѣть,—съ гостями двѣнадцати рублей не стало хватать. Если одному пить чай и гостей не посадить, то они одними словами не будутъ довольствоваться, на тебя разсердятся, что не угостилъ ихъ чаемъ,—тогда и дружба—врозь.

Да на дружбу его подозрительно стало посматривать начальство, боясь, чтобы онъ чего-либо неблагонадежнаго не учинилъ, а священникъ даже предупредилъ, чтобы онъ поменьше деревни посѣщалъ, — иначе можетъ выйти худо.

Учитель подумалъ, подумалъ, да счелъ за лучшее—сидѣть побольше дома и дѣлать свое дѣло...

— Ну, довольно говорить объ учителяхъ, перебилъ лѣсничій,—вы лучше намъ расскажите, какого вы мнѣнія держитесь на счетъ казенной монополіи.

— Конечно, какъ у всякаго, а особенно молодого дѣла, есть хорошія и плохія стороны, напримѣръ, благодаря казенной винной монополіи сильно распространена частная продажа вина съ подмѣсю воды и по дорогой цѣнѣ; да нерѣдко приходится потребителямъ пить, за отсутствіемъ въ уѣздахъ распивочныхъ заведеній, прямо изъ горлышка, безъ всякой закуски, отчего сильно хмѣлѣетъ человѣкъ, иногда теряя всякое сознаніе; но много и пьянства сокращаетъ монополію.

Обыкновенно, всѣ, думая выпить и угостить другихъ, запасаютъ водки по средствамъ и въ мѣру; но когда они уже изрядно выпьютъ и когда уже ихъ, по мѣстному выраженію, поразберетъ, будутъ они веселые и для нихъ бы и выпивать достаточно, но они, уже не обращая вниманія на то, что дальнѣйшее употребленіе водки будетъ вредно для здоровья и для кармана, однако, если можно достать водки, пьютъ

нерѣдко до одурѣнія и тратятъ на нее послѣдніе гроши. Ранѣе, главнымъ образомъ, пьянство происходило по вечерамъ въ воскресные дни, когда народъ свободенъ; теперь же, иной только разойдется выпить— а водки достать негдѣ; безъ водки же и хорошій пьяница выходится. Затѣмъ, прежде при кабакахъ были лавочки, куда забирали кабатчики рожь, овесъ, ячмень, муку, вѣрили въ долгъ и не брезговали водку отпускать подъ закладъ какихъ-либо вещей, такъ что и безъ денегъ былъ исходъ раздобыться водкой, а теперь—такъ какъ наличныя денежки что-то у всѣхъ у насъ водятся рѣдко, то не всегда, если и захочешь, выпьешь водочки.

Если высчитать всѣ слезы деревенскихъ бабъ, какія имъ осушила казенная винная монополія, то и это есть большое благодѣяніе. Бывало, бабы цѣлыя осеннія и зимнія ночи, иногда въ дождь, снѣгъ, простаивали у своихъ лошадей, дожидаясь когда пьяные ихъ мужья кончатъ свои попойки, пропивая трудовыя денежки, необходимые на сильную нужду. Плачутъ бабы, надрывая сердце, зовутъ своихъ мужей, такъ какъ дома остались иногда одни малыя ребята и скотинку обряжать некому, а мужья имъ въ отвѣтъ—награждаютъ ихъ

крѣпкими словцами, а въ горячій часъ еще и трепку дадутъ.

Объ улучшеніи земледѣлія можно прибавить къ прежнему, сказанному мною, развѣ то, что необходимо снабжать крестьянъ хорошими сѣменами ржи, овса, ячменя, льна и проч., распространить между ними, по сходной цѣнѣ, усовершенствованныя земледѣльческія орудія и машины: плуги, бороны, молотилки, вѣялки и другія, обратить серьезное вниманіе на скотоводство разведеніемъ дойныхъ коровъ и рослыхъ сильныхъ лошадей; развить среди крестьянъ хорошее огородничество—оно у нихъ находится въ полномъ пренебреженіи—кромѣ нѣсколькихъ грядокъ картошки и луку почти ими не садится никакихъ овощей; между тѣмъ весною у нихъ много свободного времени, которое они могли бы употребить на улучшеніе огородничества: они бы могли садить капусту, огурцы, свеклу, морковь и другія овощи, которыя послужили бы хорошимъ подспорьемъ къ ихъ хозяйству.

Про что ни возьми, господа, вездѣ нужно нашему народу образованіе и образованіе. Развейте всѣ духовныя и физическія силы нашего народа, то эти силы онъ съ большою пользою будетъ примѣнять къ своей

кормилицѣ землѣ, а она возблагодаритъ его разумный трудъ, и тогда нашъ народъ будетъ не слѣпой людъ, ощупью бродящій въ темнотѣ, а будетъ—какъ люди, развивающіе всѣ духовныя и физическія свои силы.

К О Н Е Ц Ъ .